

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 32

Испытательный срок

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Испытательный срок

<https://litres.ru/74282798>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, когда прошлое, надежно погребенное тридцать лет назад, неожиданно возвращается в виде рокового наследства? Обычная рутинная работа превращается в опасную игру, где каждый шаг приближает к разгадке чужой гибели, а цена правды оказывается слишком высокой.

Старый сейф на пыльном чердаке, пожелтевший снимок из девяностых и список имен, среди которых — имя самого близкого человека. Кому верить, когда даже проверенные временем люди хранят смертоносные тайны, а за каждым твоим шагом неусыпно следят?

Добро пожаловать на испытательный срок. Здесь нет права на ошибку, а правила игры меняются с каждым ходом. Сможете ли вы собрать все фрагменты и разгадать шифр прошлого раньше, чем ловушка захлопнется?

«ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ 1. ЗАПАХ СЫРОСТИ И СТАРЫХ СТЕН	15
ГЛАВА 1	15
ГЛАВА 2	26
ГЛАВА 3	34
ГЛАВА 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Испытательный срок

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Дождь начался в четыре. К шести вечера он превратился в стену воды, которая заливала улицы Орла, стекала по водосточным трубам, забивала ливнёвки и поднималась до щиколоток на тротуарах. Небо висело низко — серое, тяжёлое, без единого просвета. Фонари зажглись рано, но их свет тонул в водяной пыли, превращая город в размытое пятно огней и теней.

В 18:47 на улице Ленина, 32, остановилась машина. Чёрный седан без номеров. Двигатель работал ровно, почти бесшумно — хорошая машина, дорогая, не из тех, что ездят по этим улицам. Дверь открылась, и на тротуар ступила нога в чёрном ботинке на толстой подошве. Следом — вторая. Человек в тёмном плаще поднял воротник, надвинул капюшон так, что лица не было видно, и зашагал к подъезду.

Вода хлюпала под ногами. Человек шёл быстро, но без суеты — как тот, кто знает, куда идёт, и не сомневается, что дверь откроется. Так и вышло. Подойдя к тяжёлой металлической двери, он достал из кармана ключ. Обычный ключ, не электронный, с длинной бородкой. Вставил в замок. Повернул. Замок щёлкнул сухо и громко — звук разнёсся по пустой улице, но дождь заглушил его. Человек вошёл внутрь. Дверь закрылась за ним автоматически — пневматика сработала беззвучно.

В подъезде пахло сыростью, бетоном и старыми документами. Человек остановился на секунду, прислушиваясь. Тишина. Только дождь барабанил по крыше где-то наверху. Он повернул налево, к лестнице. Ступени были бетонными, стёртыми до блеска тысячами ног за тридцать лет. Перила — железные, холодные, с облупившейся краской. Человек поднимался быстро, не держась за них, шаг за шагом. На втором этаже он замер. Коридор уходил вправо и влево — двери офисов, таблички с названиями компаний. «Форпост-Логистик», «Транс-Сервис», «Альфа-Консалтинг». Названия стёртые, безликие, такие же, как стены.

Человек двинулся дальше. На третьем этаже он остановился у двери с табличкой «Архив». Дверь была заперта. Он достал второй ключ — такой же старый, с длинной бородкой. Вставил. Повернул. Замок открылся. Внутри было темно. Человек включил фонарик на телефоне — узкий луч света разрезал темноту, высветил пыльные стеллажи, стопки бумаг, коробки. Он прошёл мимо них, к дальней стене. Остановился. Прислонился ухом к стене. Прислушался. Ничего.

Он надавил на стену в правом углу — там, где обои были чуть темнее, чем на остальной поверхности. Стена поддалась. Фальш-стена. За ней — узкий проход, ведущий вверх, на чердак. Человек протиснулся в проход. Лестница была деревянной, скрипучей. Он поднимался медленно, проверяя каждую ступеньку. Наверху — дверь. Не заперта. Он открыл её и вышел на чердак.

Здесь пахло иначе. Пыль, сухое дерево, птичий помёт, старое железо. Света почти не было — только редкие щели в шифере, через которые пробивались серые сумерки. Человек повёл фонариком по стенам. Балки, доски, старая проводка. В углу — груда хлама: сломанные стулья, ржавая труба, пустая бочка из-под масла. И за ними — старый металлический шкаф. Не сейф, нет. Просто шкаф, таких полно на чердаках. Человек подошёл к нему. Отодвинул бочку. Открыл дверцу шкафа. Внутри — пусто. Только на дне — ещё одна металлическая дверца. Вторая. И за ней — сейф.

Человек опустился на колени. Сейф был маленьким, старым, советским — с кодовым замком и ручкой-барашком. Такие ставили в кассах НИИ в семидесятых. Человек положил телефон на пол так, чтобы свет падал на замок. Пальцы в чёрных перчатках коснулись колёсиков. Остановились. Медленно, уверенно, он начал крутить их. Три оборота влево. Два вправо. Остановка. Снова влево. Пауза. Щелчок. Ручка повернулась. Сейф открылся.

Внутри лежали три предмета. Флешка — чёрная, без опознавательных знаков. Папка — тонкая, картонная, с завязками. И три фотографии — старые, с жёлтыми краями, такие печатали в девяностых. Человек достал всё. Флешку — в карман плаща. Папку — под плащ, к телу. Фотографии — перебрал. На первой — шесть мужчин в деловых костюмах на фоне этого же здания. Сзади — надпись карандашом: «Открытие, 1995». На второй — тот же мужчина, что стоял в

центре, но один, в этом же здании, в кабинете. На третьей — совсем другая фотография. Женщина с девочкой лет семи. Женщина улыбалась, девочка смотрела в камеру серьёзно.

Человек убрал первую и вторую фотографию в карман. Третью — оставил. Положил на дно сейфа. Зачем? Неизвестно. Но так было нужно.

Он закрыл сейф. Не запер. Просто захлопнул дверцу. Поднялся. Вышел из-за шкафа, поправил его на место. Спустился по деревянной лестнице. Прошёл через проход в фальш-стене, закрыл его за собой. Вышел из архива. Запер дверь. Спустился по лестнице. На втором этаже он остановился. В коридоре было темно. Только тусклый свет с улицы просачивался через грязное окно в торце. Человек двинулся дальше. На первом этаже он замедлил шаг. Входная дверь была закрыта. Но рядом, в будке охранника, горел свет. И в этом свете сидел человек. Ситников. Геннадий Петрович, охранник здания — седой, с красным носом и тяжёлым подбородком. Он смотрел на мониторы. На одном из них — человек в плаще на втором этаже. Ситников не двигался. Он знал, что кто-то здесь. Он ждал.

Человек в плаще подошёл к будке. Постучал костяшками пальцев по стеклу. Ситников поднял голову. У него были маленькие, глубоко посаженные глаза. Он посмотрел на человека, на капюшон, на мокрый плащ. Потом перевёл взгляд на монитор, где только что был человек на втором этаже, а теперь — пустой коридор. Ситников медленно поднялся. От-

крыл дверь будки.

— Вы здесь? — сказал он. Голос у него был хриплый, прокуренный. — Я не видел, как вы заходили.

Человек не ответил. Он стоял неподвижно, лицо скрыто капюшоном. Вода стекала с плаща на бетонный пол. Ситников смотрел на него, моргал. Он не знал этого человека. Но он знал, что тот должен был прийти. За этим он и сидел здесь каждый день уже три недели. Ждал.

— Всё в порядке? — спросил Ситников. — Я не узнаю вас. Вы к кому?

Человек молчал. Протянул руку. В ладони — конверт. Ситников взял его. Открыл. Внутри — купюры. Толстая пачка. Он не считал. Не нужно было. Он знал, сколько там. Столько, сколько обещали. За молчание.

— Понял, — сказал Ситников. — Никого не видел. Ничего не видел.

Человек развернулся и пошёл к выходу. Открыл дверь. Шагнул в дождь. Дверь закрылась за ним с тем же беззвучным шипением пневматики. Ситников смотрел на конверт. Потом на мониторы. Камера на входе показывала пустой тротуар. Человек уже исчез.

Охранник вышел из будки, подошёл к входной двери, выглянул на улицу. Никого. Только дождь. Он достал телефон — дешёвый, кнопочный, без камеры. Набрал номер. Один гудок. Два. Три. Ответили.

— Они уже забрали, — сказал Ситников.

Сбросил. Сунул телефон в карман. Вернулся в будку. Сел. Посмотрел на мониторы. Чёрно-белые, зернистые. Ничего. Пусто. Он открыл конверт, пересчитал деньги. Всё верно. Спрятал конверт под стол, в ящик, под старые журналы. Закрыл ящик. Снова посмотрел на мониторы. И замер.

Камера на входе зафиксировала машину. Чёрный седан без номеров. Он стоял у входа, но не двигался. Ситников смотрел на него несколько секунд. Потом машина тронулась, развернулась и уехала. Исчезла за углом. Ситников выдохнул. Вытер пот со лба. Взял пачку сигарет, закурил, хотя курить в будке было запрещено. Ему было плевать.

Машина ехала по мокрым улицам Орла. Дворники работали на полной скорости, но дождь заливал стекло быстрее, чем они успевали счищать воду. Человек за рулём сидел неподвижно, смотрел вперёд. Руль держал одной рукой — левой. Правой он сжимал папку, которую достал из сейфа. На коленях — флешка и две фотографии.

На приборной панели горел экран телефона. Там было открыто приложение навигации, но маршрут не был проложен. Просто карта. Красная точка — их местоположение. Вокруг — пустота. Никаких других точек. Только они.

Машина выехала на трассу, ведущую из города. Фары разрезали темноту и дождь. За окнами — поля, лес, редкие огни деревень. Человек нажал на газ. Скорость увеличилась. 80.

90. 100. Дождь не стихал. Машина шла ровно, уверенно.

На заднем сиденье лежала сумка. Внутри — ноутбук, зарядка, несколько папок. Человек не оборачивался. Он знал, что там. Он сам собрал её три часа назад, перед тем как выехать. Он знал, что всё идёт по плану. Но он не был уверен, что это хорошо.

Машина проехала ещё десять километров. Дождь начал стихать. Небо стало светлее — серое, но уже не чёрное. Человек сбавил скорость до семидесяти. Нашёл съезд, свернул на грунтовую дорогу. Через пятьсот метров — старый ангар, заброшенный. Человек загнал машину внутрь, заглушил двигатель. Свет фар погас. В ангаре было темно, пахло маслом и ржавчиной.

Человек открыл дверь, вышел. Снял капюшон. Под ним — лицо женщины. Около пятидесяти. Седые волосы, стянутые в тугой узел. Глубокие морщины у глаз. Твёрдый, немигающий взгляд. Она прошла к задней двери, открыла багажник. Внутри — чемодан. Она открыла его, достала сухую одежду — чёрный костюм, белую рубашку. Сняла мокрый плащ, бросила на пол ангара. Переоделась быстро, без лишних движений. Застегнула пуговицы. Поправила воротник.

Взяла папку, флешку, фотографии. Подошла к столу, стоящему у стены ангара. Включила керосиновую лампу. Свет был тусклым, жёлтым, но достаточным. Она разложила содержимое сейфа на столе. Флешка — чёрная, без маркировки. Папка — тонкая, с завязками. Фотографии — две. Она

взяла первую, ту, где шесть мужчин у здания. Рассмотрела их.

Первый — высокий, худой, с залысинами. Соболев Сергей Васильевич. Второй — плотный, лысый, с тяжёлым подбородаком. Гришин Виктор Павлович. Третий — молодой, с густыми чёрными волосами и пронзительным взглядом. Воронов Олег Николаевич. Четвёртый — седой, с очками, похожий на учителя. Морозов Алексей Викторович. Пятый — невысокий, коренастый, с квадратной челюстью. Ситников Геннадий Петрович. И шестой — мужчина, который стоял в центре. Он улыбался, но улыбка была натянутой. В глазах — напряжение. Зайцев Михаил Петрович.

Она провела пальцем по его лицу.

— Теперь твой сын, — сказала она тихо. — Ты думал, что спрятал всё. Ты ошибался.

Она убрала первую фотографию. Взяла вторую — та, где был Зайцев один, в кабинете. За его спиной — шкаф с книгами. На столе — папки, телефон, пепельница. Она прищелкнула. В углу кабинета, на стене, висела фотография. Маленькая, чёрно-белая. Женщина с девочкой. Та же, что она оставила в сейфе. Она взяла третью фотографию — ту, что оставила. Посмотрела на неё. Женщина с девочкой. Она узнала женщину — это была она сама, двадцать лет назад. Рядом — её дочь.

— Я ждала этого момента двадцать лет, — сказала она. — Ты думал, что я забыла. Я не забыла. Я помню всё.

Она положила фотографии в папку. Закрывает папку. Убрала флешку в карман костюма. Взяла телефон, стоящий на столе. Экран загорелся. Она набрала сообщение. Пальцы двигались быстро, уверенно. Три слова.

«Он готов. Запускайте».

Нажала «отправить». Секунда. Две. Три. Пришёл ответ.

«Испытательный срок начинается».

Она улыбнулась. Убрала телефон. Взяла папку, подошла к машине, положила на заднее сиденье. Вернулась к столу, задула керосиновую лампу. Ангара погрузился в темноту. Только свет от фар разрезал тьму узкими лучами. Она села за руль, завела двигатель. Машина развернулась и выехала из ангара на грунтовую дорогу. Дождь стих. Небо начало светлеть. Она нажала на газ и поехала вперёд, в темноту, оставляя ангар позади.

Через час она была на трассе. Ещё через два — в Москве. Она остановилась у высотного здания на окраине, заглушила двигатель. Вышла. Зашла в подъезд, поднялась на десятый этаж. Открыла квартиру ключом. Внутри — пусто. Только стол, стул, ноутбук, папки. Она села за стол. Открыла ноутбук. Вставила флешку. На экране — папка с документами. Она открыла первый файл. Договор. «Артём Михайло-

вич Зайцев», 42 года, риелтор. Адрес, телефон, место работы. Фотография. Она смотрела на него. Он был похож на отца. Те же глаза, тот же разрез губ.

— Ты не знаешь, что начинается, — сказала она. — Но ты узнаешь. Все узнают.

Она закрыла ноутбук. Вынула флешку. Спрятала в сейф, встроенный в стену. Закрыла сейф. Набрала код — тот же, что был на том, старом сейфе, на чердаке. Повернула ручку. Захлопнула. Подошла к окну. Внизу — Москва, огни, дождь, который снова начался. Она стояла и смотрела. В её руке — третья фотография. Женщина с девочкой.

— Я вернулась, — сказала она. — Я всё тебе вернула. Теперь твой ход.

Она убрала фотографию в карман. Отвернулась от окна. Выключила свет. В квартире стало темно. Только огни города пробивались через мокрое стекло.

ЧАСТЬ 1. ЗАПАХ СЫРОСТИ И СТАРЫХ СТЕН

ГЛАВА 1

Артём Зайцев сидел за своим столом в агентстве «Центр-Недвижимость» уже сорок минут, но из отчёта не продвинулся дальше первой страницы. За окном сеялся мелкий, противный дождь, который начался ещё ночью и, казалось, не собирался заканчиваться никогда. Небо над Орлом было серым, тяжёлым, без единого просвета — таким же, каким оно бывает здесь в начале сентября, когда лето уже ушло, а осень ещё не вступила в полную силу. Время застревало между сезонами, и воздух пах мокрой листвой, асфальтом и чем-то ещё — тем неуловимым запахом увядания, который Артём ненавидел с детства.

Он провёл рукой по лицу, потёр переносицу. Глаза щипало — вчера он засиделся допоздна, разбирал старые договоры, пытался найти хоть какую-то логику в том хаосе, что остался после ухода Ирины Ковальчук. Та уволилась две недели назад, и её клиентская база была передана ему. Четыреста восемьдесят семь объектов, половина — с просроченными договорами, треть — с судебными исками, и весь

этот бардак теперь лежал на его столе. Он вздохнул. В Орле он работал уже три года, с тех пор как переехал из Москвы после развода, и до сих пор не привык к местному ритму. В Москве всё было быстрее, жёстче, но понятнее. Здесь — тише, спокойнее, но с этой тишиной приходит своя тоска. Город, который вроде бы жил, но больше по инерции. Заводы закрывались, люди уезжали, и в центре, среди старых купеческих домов и советских пятиэтажек, особенно остро чувствовалось, что время здесь течёт иначе.

— Артём!

Он поднял голову. В дверях стояла Наталья Сергеевна Григорьева, его непосредственная руководительница. Ей было под пятьдесят, но выглядела она моложе — короткая стрижка, строгий костюм, никакой косметики, кроме помады. Она всегда носила чёрное, и это делало её похожей на вдову из старых фильмов. В руках у неё была тонкая папка из крафтового картона, перевязанная резинкой.

— Ты не занят?

— Я всегда занят, — ответил Артём, отодвигая кипу бумаг. — Но для тебя найдётся время.

Наталья Сергеевна вошла в кабинет, плотно прикрыла за собой дверь. Подошла к его столу, положила папку поверх его документов. Артём заметил, что резинка на папке была новой — не стёртой, не потрёпанной, как обычно бывает с теми бумагами, которые переходят из рук в руки. Кто-то специально подготовил эту папку. Для него.

— Это срочно, — сказала она. — «Глобал-Аренда» хочет заключить договор до конца месяца. Они ищут помещение под региональный офис. Им нужно не больше тысячи двухсот квадратов, парковка, отдельный вход, хорошая транспортная доступность. Я сразу подумала о тебе. Ты хорошо работаешь с коммерцией.

Артём взял папку, снял резинку. Внутри были техпаспорт, выписки из ЕГРН, фотографии объекта и сопроводительное письмо от клиента. Он пролистал документы. Знакомый адрес. Улица Ленина, 32. Трёхэтажное здание бывшего НИИ, переделанное под бизнес-центр. Он знал этот дом — видел его сотни раз, проезжая по Ленина. Серое, обшарпанное, с выбитыми окнами на третьем этаже и вечно грязной табличкой на первом. Странный выбор для «Глобал-Аренды» — федеральной сети, которая обычно предпочитала новые торговые центры или хотя бы офисы с евроремонтом. Это же здание выглядело так, будто его не трогали лет двадцать.

— Они знают, в каком состоянии объект? — спросил Артём. — Там же крыша течёт, судя по фотографиям.

— Знают. Это их условие. Они хотят именно это здание. Говорят, у них есть проект реконструкции.

Артём поднял бровь, но промолчал. Клиент всегда прав — это правило он усвоил ещё в Москве. И если «Глобал-Аренда» хочет именно этот дом, значит, у них есть на то причины. В конце концов, он не архитектор и не строитель. Его задача — заключить договор, провести сделку и полу-

чить свой процент. Остальное не его дело.

— Что с текущим арендатором? — спросил он.

— «Форпост-Логистик». У них договор до конца месяца. Они должны освободить помещение. Я уже говорила с их директором — он в курсе.

Артём кивнул. Всё выглядело рутинно. Обычная сделка, каких у него были десятки за последние три года. Но что-то в этой папке его насторожило. Может быть, слишком быстрое решение клиента. Может быть, то, что Наталья Сергеевна лично принесла ему документы, хотя обычно такие заявки скидывали на почту. Может быть, просто дождливый день и усталость.

— Съезди сегодня, — сказала Наталья Сергеевна, прерывая его размышления. — Посмотри здание, сделай фото, составь предварительный отчёт. Завтра я отправлю его клиенту.

— Сегодня? — Артём посмотрел на окно. Дождь усилился. — Не лучший день для осмотра.

— Лучшего не будет. Клиент хочет подписать договор до пятницы. Сегодня вторник. У нас три дня.

Артём снова посмотрел на папку. На обложке было написано его имя — от руки, чёрной гелевой ручкой. Почерк ему показался знакомым, но он не мог вспомнить, где его видел. Он закрыл папку, положил в сумку.

— Хорошо. Я съезжу.

Наталья Сергеевна улыбнулась — той дежурной улыбкой,

которую она включала, когда была довольна. Она развернулась и вышла из кабинета, не закрыв за собой дверь. Артём посмотрел ей вслед. Она двигалась легко, почти бесшумно, несмотря на возраст. В этой женщине всегда было что-то неуловимое — скрытое напряжение, которое она прятала за маской спокойствия. Он не знал её историю, но догадывался, что у неё есть свои секреты.

Он взял папку, встал из-за стола. Надел пиджак, висевший на спинке стула, проверил карманы — телефон, ключи, кошелёк. Накинул плащ — синий, непромокаемый, купленный перед прошлой осенью, когда он понял, что орловские дожди не хуже московских. Вышел из кабинета, прошёл по коридору. В общей зоне, за перегородкой, сидели сотрудники — Марина, пожилая дама, которая работала в агентстве со дня его основания, и два молодых парня, новенькие, которых он почти не знал. Они подняли головы, когда он проходил мимо.

— Артём Михайлович, вы куда? — спросила Марина.

— На объект.

— В такой дождь?

— Клиент торопится.

Марина покачала головой, но ничего не сказала. Она всегда была немногословна, особенно когда речь шла о работе. Артём уже повернул к выходу, когда из-за угла появился Максим Шевцов — молодой риелтор, который устроился к ним три месяца назад. Артём запомнил его сразу: высо-

кий, светловолосый, с острыми скулами и странной улыбкой, которая появлялась на его лице внезапно и так же внезапно исчезала. Он был хорошим специалистом — это Артём признавал, — но в нём было что-то, что вызывало внутренний дискомфорт. Слишком много вопросов. Слишком острый взгляд.

— Артём Михайлович, доброе утро! — Максим улыбнулся, и в его улыбке на мгновение промелькнуло что-то хищное. — Я слышал, у вас новый объект. Это не тот дом на Ленина, 32?

Артём остановился.

— Откуда ты знаешь?

— Офисные сплетни, — Максим пожал плечами. — Наталья Сергеевна говорила с клиентом утром, я слышал. Интересный объект. Там же два года назад был пожар, вы знали?

Артём нахмурился. Он не знал о пожаре. В документах об этом ничего не было.

— Пожар?

— Да. В подвале. Что-то загорелось, выгорела комната. Потом здание закрывали на ремонт. Я думал, это общеизвестно.

Артём молчал. Он смотрел на Максима, пытаясь понять, случайно ли тот обмолвился об этом или намеренно. Максим выглядел невозмутимо, даже безразлично. Пожал плечами, улыбнулся своей странной улыбкой и пошёл к своему столу.

— Удачи на осмотре! — бросил он через плечо. — Будьте осторожны — там, говорят, полы гнилые на чердаке.

Артём смотрел ему вслед. Почему Максим интересуется этим зданием? Он здесь всего три месяца, и вряд ли успел наработать такую клиентскую базу, чтобы знать детали по каждому объекту. Или у него был какой-то личный интерес к этому дому? Артём отогнал эту мысль. Не его дело. Он просто риелтор, который выполняет работу. Не нужно искать заговоры там, где их нет.

Он вышел на улицу. Дождь хлестал в лицо, ветер рвал полы плаща. Он подошёл к своей машине — старому, но надёжному «Ниссане», который он купил сразу после переезда, — и сел за руль. В салоне было прохладно, стекло запотело. Он включил зажигание, включил печку и дворники. Подождал, пока стекло очистится от пара. Потом нажал на газ и выехал с парковки.

Улица Ленина, 32. Он знал этот адрес, но не потому, что часто там бывал. Просто этот дом стоял на главной улице, и его невозможно было не заметить. Трёхэтажное здание из красного кирпича, построенное, наверное, в начале пятидесятых. Сначала там был НИИ — какой именно, Артём не знал. Потом, уже в девяностые, здание перешло в частные руки, и его переделали под офисы. Сейчас там сидел «Форпост-Логистик», пара мелких фирм и, кажется, стоматология на первом этаже. Артём никогда не заходил внутрь, но видел фотографии в интернете, когда искал офисы для кли-

ентов. Ничего особенного.

Он подъехал к дому, припарковался на пустыре напротив. Вышел из машины, поднял воротник. Дождь усилился. Он перебежал через дорогу, толкнул тяжёлую металлическую дверь. Она открылась с противным скрежетом. Внутри было темно, пахло сыростью, бетоном и ещё чем-то — запахом старых документов, который Артём ни с чем не мог перепутать. Он вспомнил отца. Тот работал в НИИ в Орле. Мама никогда не говорила, в каком именно, но это был какой-то научно-исследовательский институт. Может быть, тот самый? Артём попытался вспомнить, что отец рассказывал о работе, но в голову ничего не приходило. Отец вообще редко говорил о своей работе. Он уходил утром, возвращался вечером, сидел с газетой и молчал. Всё, что Артём знал о нём, — это была какая-то закрытая тема. Никто в семье не задавал вопросов. Никто не говорил об этом вслух.

Артём потряс головой, отгоняя воспоминания. Сейчас не время для ностальгии. Он достал телефон, включил фонарик. Луч света выхватил из темноты длинный коридор, истёртый бетонный пол, облупившиеся стены. Слева — будка охранника. Справа — лестница на второй этаж. На стене — табличка с названиями фирм, арендующих помещения. «Форпост-Логистик», «Транс-Сервис», «Альфа-Консалтинг». И одна табличка, с которой почти стёрлась краска: «Архив».

Артём сделал несколько шагов вглубь коридора. В будке

охранника горел свет, но внутри никого не было. Только мониторы, транслирующие чёрно-белые кадры с камер. Он посмотрел на экраны — пустые коридоры, лестницы, подвал. На одном из мониторов — чердак. И там, на чердаке, Артём заметил что-то странное. Как будто часть стены была темнее остальных. Он присмотрелся, но изображение было слишком зернистым.

— Вы по какому вопросу?

Артём вздрогнул. Он обернулся. В проходе стоял охранник — седой мужчина лет шестидесяти, с красным носом и тяжёлым подбородком. В руках он держал кружку с дымящимся чаем. Смотрел на Артёма без враждебности, но настороженно.

— Я из агентства «Центр-Недвижимость», — сказал Артём, доставая удостоверение. — Осмотр объекта. «Глобал-Аренда» планирует арендовать помещение.

— А, — охранник кивнул, даже не взглянув на документы. — Я слышал. Мне звонили. Проходите, только будьте осторожны на чердаке — там пол прогнил. Можно провалиться.

— Спасибо.

Артём прошёл мимо охранника, направился к лестнице. Но на секунду задержался, глядя на мониторы.

— На каком этаже архив?

Охранник удивлённо поднял бровь.

— Третий. Но там сейчас пусто. Мебель вывезли год на-

зад.

Артём кивнул и начал подниматься по лестнице. На втором этаже он остановился. Коридор уходил в обе стороны. Он заглянул в одну из комнат — пустой офис, голые стены, старый линолеум на полу. Ничего интересного. Он поднялся на третий. Здесь пахло ещё сильнее — плесенью, пылью, бумагой. Он прошёл по коридору, заглянул в архив. Пустой. Только старый стеллаж и куча коробок в углу. Он уже хотел развернуться, когда заметил в стене странную нишу. Она была заклеена обоями, но края отходили.

Артём подошёл ближе. Дёрнул за край обоев. Бумага оторвалась, открывая дверь. Дверь была маленькая, почти незаметная. Он толкнул её — она открылась. За ней — фальш-стена. Он надавил на неё, и она поддалась. За ней — узкий проход. Он нагнулся и протиснулся внутрь. Проход вёл на чердак.

Артём поднялся по деревянной лестнице. Пол скрипел под ногами. Он включил фонарик на телефоне и осмотрелся. Чердак был огромным — балки, доски, птичий помёт. В углу — старый шкаф. Он подошёл к нему, открыл дверцу. Внутри — пусто. И на дне — дверца. Вторая. Он открыл её. И за ней — сейф.

Артём замер. Сейф был старый, советский, с кодовым замком. И он не был заперт. Он дёрнул ручку, и сейф открылся. Внутри — флешка, папка и фотография. Он взял фотографию, поднёс к глазам. На ней — шесть мужчин в де-

ловых костюмах. 1995 год. И один из них — его отец.

Артём смотрел на фото, и сердце начало колотиться где-то в горле. Он не знал, что отец был здесь. Он даже не знал, что отец работал в этом городе. Мама ничего не говорила. Никто не говорил. Он перевернул фотографию. На обороте — надпись карандашом: «Мы ждали тебя, Артём».

Он стоял на чердаке старого здания, сжимая в руках фотографию своего отца, и понимал: это не случайность. Кто-то знал, что он придёт. Кто-то оставил это для него.

Он услышал скрип снизу. Кто-то поднимался по лестнице. Артём обернулся и посмотрел в темноту.

— Кто здесь? — спросил он.

Тишина. Только дождь за стенами.

ГЛАВА 2

Артём вышел из здания в 10:45. Дождь не прекращался — он шёл ровно, монотонно, заливая тротуары и заставляя пешеходов жалеть о том, что они вышли из дома. Он стоял на крыльце, сжимая в руке фотографию, которую нашёл в сейфе. Пальцы дрожали, хотя он не мог объяснить почему. Холод? Нервы? И то и другое. Он сунул фотографию в карман плаща, достал телефон, набрал номер бывшей жены. Сбросил, не дождавшись ответа. Что он ей скажет? «Привет, я нашёл фотографию отца в старом здании, которое никто не знает, и теперь я думаю, что моя жизнь — это не то, чем она казалась»? Она не поймёт. Она никогда не понимала.

Артём спустился с крыльца, обошёл здание сбоку. Хотел осмотреть фасад, но остановился у мусорных баков. За ними — чёрный ход. Дверь была приоткрыта. Он заглянул внутрь — коридор, ведущий в подвал. Холодный воздух ударил в лицо, смешиваясь с запахом сырости и гнили. Он сделал шаг, второй. Света не было. Только тусклый луч с улицы падал на старые ступени, ведущие вниз. Он включил фонарик на телефоне, осветил стены. Кирпич, облупившийся бетон, старая проводка. Подвал казался заброшенным. Но на полу — свежие следы. Чьи-то мокрые подошвы оставили отпечатки на пыльном бетоне. Кто-то был здесь совсем недавно.

Артём спустился по лестнице. Подвал был низким — по-

толок едва не задевал его макушку. Он прошёл вдоль стены, освещая путь. Следы вели вглубь. Он остановился у двери. Старая, деревянная, с массивным замком. Он дёрнул ручку — заперто. Он потянул сильнее — замок не поддался. Он осмотрел дверь. Над ней, в косяке, была незаметная щель. Как будто кто-то специально оставил там что-то. Он сунул пальцы в щель и нащупал ключ. Маленький, старый, ржавый. Он вставил его в замок. Повернул. Замок щёлкнул.

Дверь открылась. За ней — комната. Маленькая, с низким потолком, без окон. В углу — стол, на нём — настольная лампа, которая, к его удивлению, зажглась, когда он дёрнул за шнур. Тусклый жёлтый свет выхватил из темноты стены. Они были увешаны фотографиями. Десятки фотографий. Все одинаковые — здание на Ленина, 32. С разных ракурсов, в разное время года. И на всех — люди. Мужчины, женщины, иногда дети. Все смотрят в камеру. У некоторых лица размыты, но он узнал одного. Соболев. Тот же, что на фотографии из сейфа. Молодой, с залысинами. Он стоял у входа в здание, в руках — папка с документами.

Артём подошёл к столу. На столе лежала ещё одна папка. Чёрная, с завязками. Он развязал их, открыл. Внутри — документы. Старые, с пожелтевшими краями. Некоторые были написаны от руки, некоторые — напечатаны на машинке. Он бегло пролистал их. В основном счета, накладные, какие-то договоры. Имена повторялись: Соболев, Гришин, Воронов. И одно имя, которое он не ожидал увидеть — Зайцев. Его

отец.

Он сел на стул, который стоял у стола. Взял один из документов — договор аренды, датированный 15 октября 1995 года. Подпись отца — он узнал её сразу. Та же, что и на свидетельстве о рождении, которую он держал в руках после похорон. Сомнений не было. Отец подписывал эти бумаги. Он был частью этого.

Артём положил документы обратно в папку. Взял телефон, сфотографировал всё — фотографии на стенах, документы, табличку на двери. Потом положил телефон в карман, завязал папку и взял её с собой. Он не знал, что это за комната, но он должен был забрать это. Он вышел из подвала, закрыл дверь, положил ключ обратно в щель. Поднялся по лестнице, вышел через чёрный ход.

На улице дождь шёл по-прежнему. Артём стоял под козырьком, сжимая папку в руках. Он смотрел на здание и пытался понять, что всё это значит. Отец никогда не говорил о работе. Он никогда не говорил об Орле. Он уходил утром, возвращался вечером, и молчал. И теперь Артём понимал — это была не работа. Это была тайна.

— Вы нашли что-то интересное?

Он обернулся. На крыльце стоял охранник — тот же, что встретил его у входа. Он курил сигарету, укрываясь от дождя под выступом стены. В глазах — острый, изучающий взгляд.

— Нет, — соврал Артём. — Я просто осматривал здание.

— Вы были в подвале, — сказал охранник, выпуская дым.

— Я видел через камеру. Там вход с чёрного хода. Он всегда заперт. Как вы туда попали?

Артём сжал папку.

— Дверь была открыта.

Охранник усмехнулся.

— Дверь никогда не открыта. Мы специально держим её на замке. Там ничего нет.

— Я увидел, что она приоткрыта, и зашёл. Ничего интересного не нашёл.

— Ничего? А что у вас в руках?

Артём молчал. Охранник докурил сигарету и затушил её о стену. Он подошёл ближе, и Артём заметил, что у него странный запах — не табака, не пота, а чего-то металлического, едкого. Как будто он пришёл из места, где пахнет машинным маслом и ржавчиной. Охранник посмотрел на папку, потом в глаза Артёму.

— Я не видел вас, — сказал он. — Я вообще ничего не видел. Вы зашли, осмотрели объект и ушли. Вопросов нет.

Он развернулся и пошёл обратно к входной двери. Артём смотрел ему вслед. Охранник не обернулся. Он просто вошёл в здание и закрыл за собой дверь. Артём стоял под дождём, сжимая папку, и пытался понять, что только что произошло. Охранник знал, что он был в подвале. Он знал, что он нашёл папку. И он решил сделать вид, что ничего не случилось. Зачем?

Артём пошёл к машине. Он сел на водительское сиденье,

положил папку на пассажирское, завёл двигатель. Включил печку, чтобы прогреть салон. Стекло запотело, он стёр ладонью капли. Он смотрел на здание через дворники, которые монотонно скользили по стеклу. Он знал, что должен уехать. Он должен вернуться в офис, написать отчёт, забыть о том, что видел. Но он не мог. Что-то в этом здании держало его. Как будто он должен был быть здесь. Как будто его ждали.

Он взял телефон, открыл фотографии, которые сделал в подвале. Он приблизил одну из них — ту, где была табличка на двери. На ней было выгравировано: «Архив. Доступ ограничен. Только с разрешения». И ниже — дата: «1995». Он переключил фотографию. На одной из них — человек, стоящий у входа в здание. Он приблизил его лицо. Это был его отец. Он стоял, держа в руках ту же чёрную папку, что лежала сейчас на его сиденье. Артём перевернул фотографию в телефоне, приблизил руку отца. На его запястье — татуировка. Маленькая, почти незаметная. Пять точек, сложенных в крест. Он никогда не видел у отца этой татуировки. Он никогда не видел отца с открытыми рукавами. Он всегда носил длинные рукава. Даже летом.

Артём опустил телефон. Он чувствовал, как в груди разрастается холод. Он не знал своего отца. Он думал, что знал, но он ошибался. Отец был частью чего-то. Чего-то, что началось в 1995 году. Чего-то, что заставило его молчать всю жизнь. И теперь это пришло за ним.

Он выехал с парковки, но не в сторону офиса. Он поехал

в центр города, в ту часть, где были старые дома, похожие на тот, где он вырос. Он остановился у пятиэтажки на улице Свердлова. Вышел из машины, поднялся на третий этаж. Позвонил в дверь. Ему открыла женщина. Лет сорока, в халате, с мокрыми волосами.

— Вам кого? — спросила она.

— Извините, я ищу квартиру, где раньше жил Зайцев Михаил Петрович. Он работал в НИИ на Ленина.

Женщина нахмурилась.

— Я не знаю. Я здесь живу два года. До меня здесь жила старушка. Она умерла.

— У неё были документы? Книги? Что-то осталось?

— Всё вывезли. Только старый шкаф остался. Он тяжёлый, не могли вытащить. Хотите посмотреть?

Он кивнул. Женщина провела его в комнату. В углу — старый деревянный шкаф, с резными дверцами. Он открыл его. Внутри — пусто. Но на дне — ящик. Он выдвинул его. Внутри — старые фотографии, письма, несколько книг. Он перебрал. Фотографии — люди, которых он не узнал. Письма — на немецком. Книги — технические справочники. И одна маленькая чёрная тетрадь. Он открыл её. Почерк отца. Корявый, размашистый. Первая страница: «Заметки. 1995 год. Орёл».

Он взял тетрадь.

— Можно мне её взять?

Женщина пожала плечами.

— Берите. Всё равно ничего полезного.

Он поблагодарил и вышел. Сел в машину. Открыл тетрадь на второй странице. «Первая встреча. Гришин, Соболев, Воронов. Здание на Ленина. Они предложили мне стать частью. Я не знаю, что это, но я согласился. Им нужен бухгалтер. У них большие деньги. Я хочу, чтобы у моего сына было всё».

Артём закрыл тетрадь. Он сидел в машине, сжимая её в руках. Дождь за окном превратился в ливень. Он смотрел на серое небо и понимал, что его жизнь только что перевернулась. То, что он думал, было работой, оказалось частью того, что было гораздо больше. И он не мог отступить. Он должен был узнать правду. Ради отца. Ради себя.

Он завёл машину и поехал обратно к зданию. Он не мог уйти. Он должен был найти ответы. На парковке — всё та же чёрная машина. Из неё вышел мужчина. Высокий, в чёрном плаще. Он подошёл к машине Артёма, постучал в окно. Артём опустил стекло.

— Артём Михайлович? — сказал мужчина. — У меня есть для вас предложение. Вы хотите узнать правду о своём отце? Тогда поехали со мной.

Артём смотрел на него. Дождь падал на лицо мужчины, но он не моргал. Он просто ждал.

— Кто вы? — спросил Артём.

— Я — тот, кто знает всё, — ответил мужчина. — Ваш отец был моим другом. Он был хорошим человеком. Но он был частью системы. И система убила его. Я могу вам рас-

сказать, кто и зачем. Если вы готовы это услышать.

Артём посмотрел на папку на сиденье, на тетрадь в руках. Он знал, что этот человек может лгать. Но он также знал, что это его единственный шанс узнать правду.

— Я готов, — сказал он.

Мужчина кивнул.

— Тогда следуйте за мной.

Он развернулся и пошёл к своей машине. Артём завёл двигатель и поехал за ним.

ГЛАВА 3

Артём влетел в офис в 11:45. Дверь захлопнулась за ним с глухим стуком. Он хотел запереться, но руки не слушались — он трижды промахнулся замком, прежде чем тот щёлкнул. Занавески были задёрнуты с прошлого вечера, в кабинете стоял полумрак, пахло бумагой, пылью и холодным кофе, остывшим ещё вчера. Он подошёл к столу и высыпал содержимое сейфа. Чёрная флешка упала на клавиатуру, тонкая картонная папка скользнула по столу, фотография — та, с шестью мужчинами — легла поверх документов, лицом вверх.

Артём стоял над ними. Дышал тяжело, хотя не бежал. Руки всё ещё дрожали. Он посмотрел на фотографию. Отец стоял во втором ряду, слева от него — незнакомый мужчина с острыми скулами и тяжёлым взглядом. Артём взял фотографию, поднёс к глазам. Он пытался вспомнить, видел ли он этого человека раньше. Нет. Он не узнавал никого, кроме отца. Остальные пять мужчин были чужими. Но они стояли у здания, которое он только что осматривал. У того самого дома на Ленина, 32. Сейчас оно было обшарпанным и заброшенным, а в 1995-м выглядело новым, с чистым фасадом и свежеевыкрашенными рамами. Люди на фотографии улыбались. Отец улыбался. Он выглядел счастливым, молодым, беззаботным. Артём не помнил его таким. В его памяти отец

всегда был уставшим, хмурым, замкнутым. Он приходил с работы, снимал пиджак, вешал его на спинку стула и садился в кресло с газетой. Он не улыбался. Он молчал.

Артём положил фотографию на стол. Взял телефон. Нашёл контакт матери. Екатерина Зайцева, 65 лет, живёт в Москве в той же квартире, где они жили все эти годы. Артём нажал «вызов». Один гудок. Два. Три. Четыре. Пять. Он уже хотел сбросить, когда она ответила.

— Артём? — голос у неё был удивлённым. Она никогда не ждала звонков от сына — они созванивались раз в месяц, по воскресеньям, и эта традиция не нарушалась уже три года. — Что-то случилось?

— Нет, мама, ничего. Просто хотел спросить... — Он замолчал, подбирая слова. Как спросить о том, о чём она никогда не говорила? Как начать разговор, который она всегда обрывала? — Папа когда-нибудь работал в Орле?

Тишина. Долгая. Он слышал, как она дышит в трубку. Слышал, как на фоне включился телевизор — какая-то мелодрама, женский голос, музыка.

— Нет, — ответила она. — Он работал в Москве. Всегда.

— Мама, не ври мне, — сказал Артём. — Я нашёл его фотографию. Он стоит у здания НИИ в Орле. С другими людьми. В 1995 году.

Пауза стала ещё длиннее. Он слышал, как она вздохнула. Потом снова. Она что-то искала — слова? Время?

— Артём, не лезь в это, — сказала она. — Это не твоё

дело. Это было давно. Твой отец работал по контракту. Он ездил в командировки. Но это было обычной работой.

— Обычной? — Артём сжал телефон. — Мама, я нашёл документы. Договоры аренды. Подписи отца. Он был совладельцем этого здания. Он никогда не говорил мне об этом.

— Артём, — голос матери стал твёрже, — я сказала: не лезь в это. Ты не знаешь, с чем имеешь дело.

— Тогда скажи мне.

Тишина. Она молчала так долго, что Артём подумал, что связь прервалась. Он посмотрел на экран — вызов активен, идёт 42 секунды. Она дышала в трубку.

— Я не могу, — сказала она наконец. — Не сейчас. Я позвоню тебе позже.

— Мама...

— Позже.

Она сбросила вызов. Артём смотрел на экран. Значит, она знала. Знала всё. И молчала. Всё это время. Он отложил телефон и посмотрел на содержимое сейфа. Он должен был понять, что это такое. Он должен был найти правду.

Он взял флешку. Чёрная, без маркировки, без опознавательных знаков. Вставил её в ноутбук. Устройство определилось как «USB-накопитель». Он открыл папку. Внутри — одна папка, без названия. Он открыл её. Там были документы — десятки файлов в формате PDF. Он открыл первый. Договор субаренды, датированный 2018 годом. «Глобал-Аренда» и фирма-однодневка «Веста-Трейд». Сумма — три милли-

она рублей. Подпись Соболева. Печать. Всё выглядело официально.

Он открыл второй документ. Тот же год, другая фирма. Та же сумма. Третья — 2019, «Форпост-Логистик». Четвёртая — 2020. Он листал дальше. Документы повторялись — одни и те же фирмы, одни и те же суммы. Все договоры были подписаны Соболевым. Все были подделаны? Артём не был юристом, но он видел достаточно договоров, чтобы понять: что-то здесь не так. Суммы были слишком высокими для этого здания. В Орле аренда таких помещений стоила в два-три раза дешевле. Кто-то переплачивал. Или кто-то просто перегонял деньги через эти договоры, создавая видимость работы.

Он открыл последний файл. Там был список. Имена. Фамилии. Даты. Он прочитал первую строчку: «Соболев Сергей Васильевич — начальник отдела аренды, «Глобал-Аренда»». Вторая: «Гришин Виктор Павлович — директор по Центральному региону, «Глобал-Аренда»». Третья: «Воронцов Олег Николаевич — владелец, «Форпост-Логистик»». Четвёртая: «Морозов Алексей Викторович — электрик, здание Ленина, 32». Пятая: «Ситников Геннадий Петрович — охранник, здание Ленина, 32». Шестая: «Зайцев Михаил Петрович — бухгалтер, здание Ленина, 32».

Артём замер. Его отец был в списке. Он был бухгалтером. Он вёл все эти документы. Он знал, что здесь происходит. И он никогда не говорил об этом. Артём смотрел на имя отца,

и в голове вертелся один вопрос: «Зачем? Зачем ты ввязался в это? Зачем ты подписал эти документы?»

Он взял папку. Развязал завязки. Внутри — старые бумаги, пожелтевшие от времени. Он перебрал их. Счета, накладные, чеки. Всё за 1995 год. На одной из накладных — подпись отца. Те же буквы, тот же наклон. Он узнал её сразу. Артём положил накладную обратно. Взгляд упал на нижний край папки — там лежала ещё одна бумага. Он вытащил её. Это был договор купли-продажи доли в здании. «Зайцев Михаил Петрович» — покупатель. «ООО “Глобал-Инвест”» — продавец. Дата: 15 октября 1995 года. Сумма — сто тысяч долларов.

Артём перечитал цифры. Сто тысяч долларов в 1995 году. Это была сумма, которую отец не мог заработать своей зарплатой бухгалтера. Он работал в обычном НИИ, получал копейки. Где он взял эти деньги? Или кто дал их ему?

Он закрыл папку. Положил на стол. Телефон снова завибрировал. Он взял его. Незнакомый номер. Он нажал «ответ».

— Алло?

Тишина. Только дыхание. Кто-то слушал его. Он чувствовал это.

— Кто это?

Никакого ответа. Он слышал, как трубку положили. Сброс. Он смотрел на экран. Номер не определился. Он хотел перезвонить, но передумал. Вместо этого он открыл сообщения. Через минуту пришло новое. С того же номера.

Два слова: «Верни сейф».

Артём сжал телефон. Кто-то знал, что он взял содержимое сейфа. Охранник? Ситников видел его, но он ничего не говорил. Он сказал, что ничего не видел. Или это был кто-то другой? Он смотрел на экран. Сообщение не было подписано, номер был скрыт. Он не мог ответить. Он не мог ничего сделать.

Он положил телефон на стол. Взял фотографию, флешку, папку. Сложил всё в сумку. Он должен был уехать. Он должен был убратъся отсюда. Но он чувствовал, что не может. Что-то держало его.

И в этот момент раздался звонок. Он взял телефон. Незнакомый номер. Снова. Он ответил.

— Артём Михайлович? — голос был хриплым, мужским.
— Это Сергей Васильевич Соболев. Мы не знакомы, но вы нашли мой сейф.

Артём замер. Соболев. Тот же, чьё имя было в документах. Тот, кто подписывал все договоры.

— Я слушаю.

— Я должен вам кое-что сказать. Это не случайность. Я оставил сейф для вас. Я знал, что вы придёте. Мне нужна ваша помощь.

— Помощь в чём?

— Они знают, что я связан с этим. Они хотят меня убратъ. Вы должны помочь мне, иначе они убьют меня.

Голос Соболева дрожал. Он говорил быстро, почти шёпо-

том. Артём слышал, как он дышит в трубку. Как вокруг него что-то шумит — может быть, трасса? Может быть, он был в машине?

— Кто «они»? — спросил Артём.

— Те, кто управляет этим. Те, кто создал систему. Ваш отец знал их. Он хотел выйти, но они не позволили. Они убили его.

Артём сжал телефон. Пальцы побелели.

— Моего отца убили?

— Да. Это был не несчастный случай. Это было убийство. Я знаю это, потому что я был там.

Артём хотел спросить, что именно он имел в виду, но Соболев продолжил говорить.

— Вы не должны никому говорить об этом. Они везде. Они наблюдают за вами. Вы должны уехать из Орла. Сейчас.

— Я не уеду, пока не узнаю правду.

— Правда убьёт вас, Артём Михайлович. Так же, как она убила вашего отца.

Артём услышал шум. Металлический скрежет. Голос Соболева стал ещё тише.

— Они здесь. Они нашли меня.

— Где вы? Я приеду.

— Нет. Вы не должны. Вы должны...

Голос оборвался. Артём услышал звук, похожий на открытие двери. И тишину. Потом — короткий крик. И гудки. Линия оборвалась.

Артём смотрел на телефон. Экран погас. Соболев звонил ему. Он был напуган. Он просил о помощи. И теперь его не было на связи. Артём перезвонил. Абонент недоступен. Он перезвонил снова — тот же ответ. Он сжал телефон. Он думал о том, что только что услышал. Соболев сказал, что отец был убит. Что он был там. Что они убили его. Артём не знал, кому верить. Он не знал, что делать.

Он встал из-за стола. Подошёл к окну. Выглянул на улицу. Дождь лил. По тротуару шли люди с зонтами. Никакой чёрной машины. Никого подозрительного. Но он чувствовал, что за ним наблюдают. Он чувствовал, что кто-то следит за ним.

Телефон снова завибрировал. Новое сообщение. Тот же номер. «Ты нашёл то, что не должен был. Верни. Или ты умрёшь».

Артём смотрел на сообщение. Он думал об отце. Он думал о том, что сказал Соболев. И он знал, что не может вернуть сейф. Он не может уехать. Он должен найти правду. Даже если она убьёт его.

Он убрал телефон в карман. Взял сумку. Вышел из кабинета.

ГЛАВА 4

Артём стоял у машины Соболева и смотрел на телефон в своей руке. Экран горел, на нём было открыто приложение "Контакты". Имя "Гришин Виктор Павлович" выделялось жирным шрифтом — последний вызов был сделан ему в 08:45 утра. Артём нажал на номер, чтобы посмотреть детали — три звонка за последние два дня. Входящие. Исходящие. И снова входящие. Последнее сообщение от Гришина: «Всё готово. Жди». Отправлено за сорок минут до смерти Соболева.

Артём сделал скриншот сообщения, потом скриншот списка звонков. Сунул телефон в карман плаща. Он не знал, что делать с этим телефоном. Он не знал, кому можно доверять. Но он знал, что не может оставить его в машине. Кто-то мог прийти и забрать его. Или полиция могла изъять его как улику. И тогда он потеряет единственный след, который у него был.

Он отошёл от машины на несколько шагов. Посмотрел на Соболева через открытую дверцу. Тот лежал неподвижно, голова была повернута в сторону, глаза смотрели прямо на Артёма. На шее — маленькая красная точка, почти незаметная, похожая на укус комара. Но Артём знал, что это не комар. Он знал, что это был укол. Кто-то ввёл ему что-то. Что-то, что остановило его сердце.

Артём огляделся. Двор был пустым. Серые панельные пятиэтажки, мокрый асфальт, несколько машин на парковке. Никто не выглядывал из окон. Никто не шёл по дороге. Только дождь и ветер. Он достал свой телефон и набрал номер полиции. Голос на том конце был спокойным, даже скупающим. Он назвал адрес, сказал, что нашёл тело. Диспетчер спросила, в сознании ли он, не ранен ли он, не угрожает ли ему кто-то. Он ответил, что нет, просто нашёл мёртвого человека в машине.

— Оставайтесь на месте, — сказала она. — Ничего не трогайте. Ждите.

Он повесил трубку. Посмотрел на машину Соболева. На сиденье лежал портфель — чёрный, кожаный, потёртый. Артём наклонился и открыл его. Внутри — бумаги, несколько папок, ручка, запасной мобильный телефон. Он взял запасной телефон, нажал на кнопку включения — экран загорелся. Без пароля. Он открыл сообщения. Входящих не было. Исходящих — два. Первое: «Готов. Жду». Второе: «Артём Зайцев в здании. Нашёл сейф. Всё по плану». Отправлено в 10:20. За тридцать минут до его смерти. Артём смотрел на сообщение. Кому оно было отправлено? Номер был скрыт. Он не мог определить получателя.

Он положил запасной телефон в карман, закрыл портфель и поставил его на место. Отступил ещё на шаг. Снова огляделся. Никого. Только дождь.

Он услышал шаги. Обернулся. Из подъезда пятиэтажки

вышла женщина. Ей было около сорока, в тёмном пальто, с зонтом в руке. Она подошла к урне, чтобы выбросить мусор, и замерла, увидев Артёма и открытую машину. Он посмотрел на неё. Она посмотрела на него. И он узнал её. Светлана. Соседка из его дома. Она жила на четвёртом этаже, выходила по ночам выносить мусор, иногда он видел её в лифте. Они никогда не разговаривали, только кивали друг другу. Но сейчас она стояла и смотрела на него. Потом перевела взгляд на труп Соболева. И на её лице промелькнуло что-то — не страх, не удивление. Понимание.

Она развернулась и быстро пошла по тротуару, скрывшись за углом дома. Артём хотел окликнуть её, но передумал. Что он мог ей сказать? Что он нашёл тело? Что он расследует смерть человека, которого никогда не видел? Она бы не поняла. Или поняла бы слишком много.

Он стоял у машины, сжимая в карманах два телефона — свой и Соболева. Дождь барабанил по капоту чёрного седана. Через пять минут приехала полиция. Две машины, четыре человека. Они вышли, осмотрели машину, тело. Один из них — молодой, с острыми скулами и усталыми глазами — подошёл к Артёму.

— Вы нашли тело?

— Да. Я звонил.

— Кто вы такой?

Артём показал удостоверение риелтора. Назвал своё имя. Сказал, что он приехал встретиться с Соболевым по пово-

ду сделки, но нашёл его мёртвым. Полицейский записал его данные, задал несколько вопросов. Артём отвечал спокойно, ровно. Он не упомянул сейф. Не упомянул телефон Соболева. Не упомянул сообщение от Гришина. Он знал, что если он расскажет всё, его уберут с дела. Или сделают подозреваемым. Он должен был действовать осторожно.

— Вы знали его? — спросил полицейский.

— Нет. Я никогда не видел его раньше.

— Но вы собирались встретиться с ним?

— Да. По работе. У нас был договор на осмотр объекта.

Полицейский кивнул, записал. Сказал, что Артём может идти, но если понадобятся дополнительные вопросы, его вызовут. Артём поблагодарил и пошёл к своей машине. Он сел за руль, завёл двигатель. Смотрел, как полицейские осматривают машину Соболева. Они ничего не заметили. Они не заметили, что телефон отсутствует.

Он выехал с парковки. Но не поехал в офис. Он поехал домой. Ему нужно было уединиться, просмотреть всё, что он нашёл. Он подъехал к своему дому, припарковался. Вошёл в подъезд. В лифте он нажал кнопку своего этажа. Двери закрылись. Он поднялся на третий этаж, вышел из лифта. В коридоре — тихо. Он подошёл к своей двери, достал ключи. Вставил ключ в замок. И замер.

Дверь была приоткрыта. Он точно закрывал её утром. Он всегда закрывал дверь. Он повернул ключ, толкнул дверь. Она открылась бесшумно. Внутри — темно. Он включил

свет. Всё было на месте. Ничего не разбросано, ничего не украдено. Но он чувствовал, что кто-то был здесь. Запах — чужой, незнакомый. Табачный дым, смешанный с чем-то металлическим. Он прошёл в комнату, осмотрел. Всё было на своих местах — его книги, ноутбук, документы на столе. Но он заметил, что ящик его стола был выдвинут. Он точно не выдвигал его утром. Он подошёл, заглянул внутрь. Всё на месте. Но на самом дне, под папками, лежал конверт. Белый, обычный. Он не клал его туда.

Артём взял конверт, открыл. Внутри — лист бумаги. Одна строка, напечатанная на принтере: «Ты на правильном пути. Но не доверяй никому. Ни Ситникову. Ни Гришину. Ни Светлане. Все они — часть игры».

Он перечитал строку дважды. Кто-то был в его квартире. Кто-то знал, что он был у Соболева. Кто-то знал об охраннике Ситникове, о Гришине, о Светлане. Это был тот, кто следил за ним. Он сжал лист. Положил обратно в конверт и спрятал в карман.

Он обошёл квартиру. Проверил все комнаты. В ванной — влажный след на полу. Кто-то мыл руки. В спальне — его телефон лежал на тумбочке, хотя он точно оставлял его в сумке. Он проверил замки на окнах — все закрыты. Дверь не была взломана. Кто-то открыл её ключом. У него были ключи. Или он был профессионалом.

Артём сел на диван. Он чувствовал пустоту. Он чувствовал, как мир уходит из-под ног. Соболев мёртв. Отец мёртв.

Кто-то следит за ним. Кто-то был в его квартире. И все они — охранник, Гришин, соседка — часть чего-то большего.

Он взял телефон Соболева. Открыл сообщения. Нашёл контакт Гришина. Написал ему: «Это Артём Зайцев. У меня есть телефон Соболева. Я знаю, что ты знаешь. Встретимся».

Он отправил сообщение. Ждал. Две минуты. Пять. Ответ не приходил. Он хотел позвонить, но передумал. Он не знал, кому можно верить. Но он знал, что должен продолжать. Ради отца. Ради себя.

Телефон Соболева завибрировал. Он взял его, открыл сообщение. Гришин ответил: «Встретимся завтра, 12:00, кафе «Старый Орёл». Приходи один». Артём смотрел на сообщение. Он знал, что это может быть ловушкой. Но он должен был пойти. Это был его единственный шанс.

Он убрал телефон в карман. Пошёл на кухню, налил стакан воды. Выпил. Смотрел в окно. Дождь не прекращался. Он думал об отце. Он думал о том, что сказал Соболев. Он не знал, правда это или ложь. Но он хотел верить, что его отец не был частью этого. Что он был просто жертвой.

Он подошёл к столу, где лежала чёрная папка из сейфа. Открыл её, перечитал документы. Подпись отца. 1995 год. Он провёл пальцем по бумаге. Он чувствовал, как холод идёт от неё, как будто она хранила память о том времени. Он закрыл папку. Взял телефон Соболева, открыл его на последнем экране. Сообщение от Гришина: «Всё готово. Жди».

Артём смотрел на эти слова. Он знал, что они означали.

Гришин знал, что Соболев умрёт. Он ждал, когда это произойдёт. Он был частью этого. И теперь он хотел встретиться с ним.

Артём положил телефон на стол. Он не знал, как будет выглядеть завтрашняя встреча. Но он знал, что должен быть готов. Должен прийти с вопросами, на которые он хочет получить ответы.

Он выключил свет, лёг на диван. Закрыв глаза. Но уснуть не мог. Перед ним стояли лица — отца, Соболева, охранника, Светланы. Все они смотрели на него. Все они ждали чего-то.

Он снова открыл глаза. Смотрел в потолок. В темноте комнаты он увидел тень. Человеческую фигуру у окна. Он замер. Сердце забило быстрее. Он не двигался. Он смотрел на тень, и она не двигалась тоже. Он лежал неподвижно, а она стояла за окном, скрытая за занавеской. Он не мог разглядеть лица, но он знал, что она смотрит на него.

— Кто здесь? — спросил он.

Тишина. Тень исчезла. Он вскочил с дивана, подбежал к окну. Выглянул на улицу — никого. Только дождь. Он проверил замки — заперты. Он проверил все комнаты — пусто. Но он знал, что видел. Он не ошибался.

Он сел на диван, сжимая телефон Соболева. В комнате было холодно. Он понял, что не сможет спать сегодня. Он сидел и ждал рассвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.